

тической ценности, что должен делать тот, кто говорит о других расах или национальных вопросах. В числе важнейшего, с точки зрения образования, находится его сила, заставляющая нас увидеть корни, из которых родилась наша цивилизация, и произвести на нас впечатление относительной ценностью всех форм культуры и тем самым послужить для пересмотра преувеличенной ценности взгляда нашего собственного времени, которому мы только и обязаны, рассматривая себя, в виде окончательной цели человеческой эволюции, и таким образом, лишая себя выгод извлечь пользу из учения других культур и препятствуя объективной критике нашей собственной работы.

Перевод с английского И.В. Кузнецова

F. Boas. The History of Anthropology

This is the first publication in Russian of the lecture by the American linguist and anthropologist Franz Boas, read in September 1904 during the World Fair in St. Louis. It appeared in 1904 in «Science» (Vol. XX, № 512).

© 2002 г., ЭО, № 6

И.В. Кузнецов

ИСТОРИЯ «ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИИ» ФРАНЦА БОАСА

«История антропологии» – не переведенный на русский язык доклад Франца Боаса, прочитанный им в сентябре 1904 г. во время Всемирной выставки в Сент-Луисе. Америка знала несколько подобных выставок, но эта была громче и эффектнее остальных. Выставка проходила с апреля по ноябрь 1904 г. и включала множество празднеств, юбилеев, антисигаретную кампанию и даже Третьи Олимпийские игры, сразу после которых, т. е. в сентябре, начался Международный конгресс искусств и науки – мероприятие, которое собственно нас и интересует. По замыслу организаторов выставки каждое из направлений науки должно было представлять два пленарных доклада – теоретический и посвященный ее истории. Теоретический доклад по антропологии взялся сделать У.Дж. Мак-Ги, «исторический» достался Францу Боасу.

Было решено продемонстрировать еще одно чудо – работу антропологической секции иллюстрировать живой экспозицией «Антропологическая резервация». «Примитивное население выставки, должно быть, превысило 2000 человек» – сообщалось в официальном отчете¹. В числе «живых экспонатов» были и весьма знаменитые личности, такие как 63-летний вождь нез-перс Джозеф и другой легендарный индейский лидер – 75-летний Джеронимо. Многообразие индейских культур было представлено *in situ*. Например, прославленные информанты Боаса – кваквала Чарльз Науэлл и Боб Харрис ежедневно исполняли перед зрителями «танцы каннибалов» хаматса².

В свое время Сергей Александрович Токарев, рассматривая труды различных ученых, посвященные истории антропологии, не счел нужным уделить внимание этому интереснейшему документу («Оставим в стороне краткие обзорные статьи в журналах, не могущие претендовать на полноту обзора. Таковы, например, статьи: *Boas Fr. The history of anthropology // Science. 1904. Vol. 20. № 512*»)³. Другой историк антропологии Джордж Стопинг называет доклад Боаса «боасовским собственным мифом-историей антропологии» («*Boas' own myth-history of anthropology*»)⁴. Характе-

ристика Стокинга наводит на мысль о некоем несоответствии, о возможной утере гармонии между реальной историей науки и образом, проекцией ее в разбираемом тексте. Это тем более важно, поскольку известно, что сам Боас весьма часто выступал в роли борца за истинную науку антропологию (в том числе и на конгрессе, но не только на нем), да и темой его доклада являются тоже наука, научность.

Грегори Бэйтсон афористично заметил когда-то: «Даже Дарвин время от времени писал о естественном отборе в таких выражениях, которые почти приписывали этому процессу характеристики трансцендентальности и цели»⁵. Способ подачи материала у Боаса таков, что нигде не дается соответствующих определений. Но в свободной манере границы того, что следует понимать под антропологической наукой, все же намечены как в хронологическом отношении, так и, условно говоря, в предметном. Иначе говоря, ученый старается не вносить почти ничего из заданного, и, наоборот, очень многое определяет в развитии самого дискурса.

Текст доклада организован так, что в нем условно можно выделить четыре части: 1) вводную, где автор декларирует свое видение антропологии (разумеется, исподволь оно проявляется и во всех остальных частях) (История антропологии, далее – ИА: 1–5); 2) «собственно историческую», в которой Боас, вроде бы, излагает «историю» (мы еще вернемся к этому) (ИА: 6–32); 3) идеологически особенно важную, необходимости эмпирики (полевых исследований) (ИА: 33–37) и 4) заключительную с некоторыми наметками будущих коллизий антропологии, повторными выводами и кратким назиданием (ИА: 38–42).

Чтобы быть научной, антропология, по Боасу, должна иметь эмпирическую основу, вдохновляться релятивистской идеей, быть исторична по методу. Но эти принципы «научности» освещены в докладе не в равной степени: эмпиризм и релятивизм гораздо меньше. Одна часть доклада, а именно третья, небольшая, целиком посвящена необходимости для ученого опираться в своих исследованиях на данные, полученные эмпирически. В ней, в частности, говорится об особой роли в антропологии (имеется в виду теоретический уровень последней) главных собирателей фактов – археологов и этнологов (этнология – описательная антропология). Но исподволь, логически в других частях доклада Боас подводит нас к выводу о тесной взаимозависимости теории антропологии и полевого изучения различных культур в частности, когда критикует «спекулятивную антропологию» (об этом я скажу ниже) или упоминает Кука и испанских конкистадоров в Америке в связи с описанием истоков антропологии.

Изложение в докладе релятивистской идеи носит еще более фрагментарный и дисперсный характер. И там, где Боас касается этой идеи, заметно его стремление к отказу от универсалистских ценностных ориентаций, особенно когда дается критика однолинейных эволюционных моделей.

Из доклада явствует, что главный концепт для Боаса – историзм. (Как известно, отсюда и происходит название боасовской школы – «Историческая».) Историзму как принципу и методу истории, как развитию посвящена большая часть текста (более двух третей). Это и есть основная тема доклада. Один раз исследователь – яркий сторонник историзма – даже не смог сдержать свои эмоции, когда речь зашла о преимуществах выбранной им позиции: «Here the laws of nature are recognized in each individual event, and the chief interest centres in the event as an incident of the picture of the world. In a way the historic view contains a strong aesthetic element, which finds its satisfaction in the clear conception of the individual event»⁶ (В этом последнем (историческом) подходе. – И.К.) законы природы признаются в каждом конкретном событии, и главный интерес сфокусирован на событии как на происшествии в картине мира. Точно так же исторический взгляд содержит сильный эстетический элемент, который находит свое выражение в чистой концепции индивидуального события – ИА: 13.)

Что подразумевает под историческим подходом Боас? Ответа опять-таки нет. Но из текста ясно, что по ряду признаков историзм должен составлять известную альтернативу эволюционизму. (В нашей традиции – исторической и этнографической, отягощенной марксизмом, напротив, обе концепции часто сближаются или вообще не

различаются.) Об эволюционном подходе в докладе говорится гораздо больше. Полемизируя, автор достаточно подробно описывает его. Хотя историзм, исторический метод и заявлены в качестве темы, реально данный очерк – это критика того, что к ним не относится, т. е. эволюционизма.

По ряду причин эволюционизм как научный метод для Боаса менее предпочтителен, чем историзм. Во-первых, он опирается на дедукцию, что для скептика и позитивиста означает недостаточную обоснованность выводов вследствие пропуска целых логических звеньев и недостатка фактов: «Owing to the abstract form of the results, this analysis must be deductive. It cannot be an induction»⁷ (Будучи обязанным абстрактной форме результатов, этот анализ должен был быть дедуктивным. Он не может быть индукцией – ИА: 18.)

Во-вторых, эволюционизм спекулятивен в том смысле, что основные выводы, сделанные в его русле, произвольны, т.е. снова не подкреплены фактами: «...speculative anthropology of the eighteenth and of the early part of the nineteenth century is distinct in its scope and method from the science which is called "anthropology" at the present time, and is not included in our discussion»⁸ (...спекулятивная антропология восемнадцатого и ранних лет девятнадцатого столетия отлична в своих идеях и методе от науки, которая в настоящее время называется «антропологией», а посему эта первая не включена в наше обсуждение – ИА: 3.)

В-третьих, эволюционный метод – почти синоним генерализующего (обобщающего) метода, которому неизбежно сопутствуют исчезновение интереса к факту и утрата реалистичности:

«...we find in anthropology two distinct methods of research and aims of investigation: the one, the historical method, which endeavors the actual history of mankind; the other, the generalizing method, which attempts to establish the laws of its development»⁹ (...в антропологии мы находим два отдельных метода изучения и цели исследования: один – исторический метод, который стремится реконструировать действительную историю человечества, другой – генерализующий, который пытается установить законы его развития – ИА: 5.)

«The new historical view also came into conflict with the generalizing method of science»¹⁰ (Кроме того, новый исторический взгляд вступил в конфликт с генерализующим методом науки – ИА: 13.)

«The actual event possesses no scientific value in itself, but only so far as it leads to the discovery of a general law. This view is, of course, fundamentally opposed to the purely historical view. Here the laws of nature are recognized in each individual event, and the chief interest centres in the event as an incident of the picture of the world. In a way the historic view contains a strong aesthetic element, which finds its satisfaction in the clear conception of the individual event»¹¹ (Реальный случай обладает научной ценностью не сам по себе, а лишь поскольку он ведет к открытию общих законов. Конечно, данный взгляд в основе своей противоположен настоящему историческому. В этом последнем законы природы признаются в каждом конкретном событии, и главный интерес сфокусирован на событии как на происшествии в картине мира – ИА: 13.)

В-четвертых, эволюционный метод продуцирует (излишне) схематичные линейные модели развития, опять-таки далекие от реальности: «The endeavor to establish a schematic line of evolution naturally led back to new attempts at classification...»¹² (Стремления сконструировать схематическую линейную эволюцию естественным образом возвращают нас к новым попыткам классификации... – ИА: 20.)

В-пятых, процесс развития культуры изображается эволюционистами как регулярный, единообразный, а действительность, очевидно, богаче: «On the one hand, the sameness was assumed as proof of a regular, uniform evolution of culture»¹³ (С одной стороны, указанное сходство принималось за доказательство регулярной единообразной эволюции культуры – ИА: 24.)

В-шестых, то, что предлагают эволюционисты, – это простые (упрощенные), далекие от реальности системы: «Thus this controversy will carry us beyond the limits set by

the theory of elementary ideas, and by that of a single system of evolution of civilization»¹⁴ (Таким образом, спор перенесет нас за пределы, установленные теориями элементарных идей и простой системы эволюции цивилизации – ИА: 28.)

В-седьмых, все методологические слабости (дедукция, спекулятивность, генерализующая направленность, склонность к схемам и редукции) не дают нужного инструмента в руки исследователя и не позволяют ему преодолеть субъективность в своих выводах: «The subjective valuation which is characteristic of most evolutionary systems was from the very beginning part and parcel of evolutionary anthropology»¹⁵ (Субъективная оценка, характерная для большинства эволюционных систем, проявилась уже в самом начале и была унаследована от эволюционной антропологии – ИА: 19.)

Таким предстает эволюционизм. Если до конца следовать характеристике этого направления, содержащейся в анализируемой работе, необходимо сделать и последний вывод: оно – вообще не наука, о чем, кстати, Боас почти прямо заявляет: «...the speculative anthropology... IS DISTINCT... FROM THE SCIENCE which is called "anthropology" at the present time...» (спекулятивная антропология... ОТЛИЧНА... ОТ НАУКИ, которая в настоящее время называется «антропологией»¹⁶.)

Вместе с тем у Боаса за научным «определением» эволюционного подхода тянется целый шлейф всякого рода других, относящихся к тому же предмету характеристик, в том числе весьма примечательных. Они существенно расширяют «образ врага», образ в буквальном смысле, как он отложился в уме того, кто с ним борется. Так в одном месте, наверное, в очередной раз подчеркивая нереалистичность концепции эволюции, Боас пишет: «Anthropology... felt the quickening impulse of the historic point of view...»¹⁷ (Антропология... чувствовала оживляющий импульс исторического взгляда... – ИА: 14.)

Эмоции нарастают. В область, где одно лишь застывшее, безжизненное, мертвое, некая дополнительная ассоциация, можно сказать, отвергает немилую сердцу теорию! Но в череде «косвенных» характеристик самой любопытной является еще одна, должно быть, отобразившая мимолетные ассоциации в мозгу ученого. В одной фразе встречается ряд сопутствующих, не самых важных по смыслу, слов конкретно-исторической привязки («хаос», «маршировать», «строевой порядок», «великие шаги», «твердая рука»), погружающих меня в социальную атмосферу того, что, наверное, можно было бы определить как образ «бисмарковской» Германии (равно как и «николаевской» или какой-нибудь еще другой России): «What had been a chaos of facts appeared now marshaled in orderly array, and the great steps in the slow advance from savagery to civilization were drawn for the first time with a firm hand»¹⁸ (Что было хаосом факта, теперь, казалось, маршировало в строевом порядке, и великие шаги в слабом продвижении от дикости к цивилизации в первый раз нарисованы были твердой рукой – ИА: 17.)

Повторяется тот же маневр: Боас балансирует между наукой и ненаукой, то сознательно выбирая, то сам становясь мишенью этого выбора. Чуждую научную концепцию он представляет вовсе ненаучной, сравнивая ее с религией, и она невольно ассоциируется у него с суровыми социальными реалиями его родной страны. В свою очередь, все это выдает в нем готовность перевести научные споры в иную – ненаучную область. А может быть, наоборот, какие-то жизненные проблемы заставляют его покинуть мир страстей и самоизолироваться в науке? Опять, уже в третий раз, как и в случае с исключением из области научного практики борьбы с расизмом и в значительной степени релятивистской идеи, это чередование позиций удивительным образом увязывает воедино кабинет и митинговую площадь, не воссоединив при этом в единый образ самого ученого.

В итоге рассмотрения всех этих отдельных черт, склеивания из них целого картинка-пазла выстраивается, если так можно выразиться, конфигурация поля науки, какой, видимо, представлял ее себе Боас, причем это очень странная конфигурация. Обе теории – историзм и эволюционизм – в совокупности составляют «антропологию» (и саму науку, и, так сказать, «околонаучное» пространство). Но если в одних случаях

они являют собой лишь противоположные полюса, между которыми есть еще нечто, то в других (более частых случаях) в промежутке почти не остается нейтральной антропологии. Дальше, если это непримиримые антагонисты, то иногда напряжение между ними спадает, а противоречия становятся не столь существенными. Есть даже отдельные моменты, когда Боас вроде бы перестает противопоставлять их привычным образом, полностью совмещая, говоря, например, об «исторической эволюции»: «They applied with vigor and unswerving courage the new principles of HISTORICAL EVOLUTION to all the phenomena of civilized life, and in doing so sowed the seeds of the anthropological spirit in the minds of historians and philosophers»¹⁹ (С решительностью и непоколебимым мужеством они применили новые принципы ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ко всем феноменам цивилизованной жизни, и на этом поприще посеяли семена антропологического духа в умах историков и философов – ИА: 17.)

Или еще более радикальным образом он инвертирует их различия и характеристики. Так, то, что было эволюционным, становится вдруг историческим, как в приводившемся выше отрывке об «оживляющем импульсе», где из контекста ясно, что на самом деле речь идет об эволюционизме, но в положительном тоне, и называется он «историческим взглядом». Разумеется, речь не о том, историчен ли эволюционизм или, наоборот, эволюционна ли история в реальности? Как и раньше, мы рассматриваем только то, как соответствующие термины употребляются Боасом, намеренно не заглядывая в суть их значений.

Попробуем еще раз измерить «научность», о которой говорит Боас, с помощью мерок, предложенных им самим. Как на практике, в своем докладе, исследователь применяет собственную концепцию «научности» и прежде всего принцип историзма? В содержательном плане текст боасовского доклада посвящен все же истории антропологической науки, а значит, хоть в какой-то мере, он должен соотноситься с тем, что называется «линией времени» (timeline) – перечислением как-то выделенных, значимых для антропологов и антропологии событий в определенной последовательности. Он может хотя бы частично повторять их ряд, а может служить свободным комментарием к ним. Самые простые труды по историографии (в нашем смысле, как истории изучения чего-либо) организованы обычно первым способом. Их авторы не задумываются о том, что на самом деле предлагают просто еще одну модель исторического процесса, да при том не самую свободную от авторского произвола.

У Боаса все по-другому. Хотя в работе много имен, есть даты, просматриваются некоторые участки «линии времени» (например, там, где ученый рисует исторический фон, упоминая об античности, средневековье и т.д.), однако никакого по-настоящему стройного изложения временной последовательности фактов и событий в ней нет. Даже в условно выделенной мною «исторической» части (2), время только угадывается благодаря трем опорным, но весьма расплывчатым и путаным датировкам. Привожу их в том же порядке, что и в тексте: «DURING THE SECOND HALF OF THE EIGHTEENTH CENTURY we find the fundamental concept of anthropology well formulated by the rationalists who preceded the French Revolution»²⁰ (ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА у рационалистов, предшественников Французской революции, мы находим хорошо сформулированным фундаментальный концепт антропологии – ИА: 7). «DURING THE NINETEENTH CENTURY a certain approach between these two directions was made, which may be exemplified by the work of Klemm»²¹ (В ДЕВЯТНАДЦАТОМ СТОЛЕТИИ был сделан определенный шаг, сближающий эти два направления, и он может быть проиллюстрирован работой Клемма – ИА: 10). «Thus we find ABOUT THE MIDDLE OF THE NINETEENTH CENTURY the beginnings of anthropology laid from three distinct points of view: the historical, the classificatory, and the geographical»²² (Итак, ПРИМЕРНО В СЕРЕДИНЕ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА мы обнаруживаем начала антропологии, проистекающие сразу из трех источников: исторического, классификационного и географического – ИА: 12.)

Как видно, Боас предлагает здесь сразу две даты в качестве начала антропологии: середина XVIII в. и столетием позже – середина XIX в. В тексте есть еще одно ука-

знание, правда, без даты. Однако из контекста (см. выше) понятно, что это – не античность, не средневековье, не XV в. – время испанской конкисты в Америке; но, конечно, и не XVIII или XIX вв.; следовательно, может быть, XVI–XVII вв.: «It was only when their relation to our own civilization became the subject of inquiry that the foundations of anthropology were laid. Its germs may be discovered in the early considerations of theologians regarding the relations between Pagan religions and the revelations of Christianity»²³ (Основы антропологии были заложены только тогда, когда предметом научного изыскания стало отношение к нашей собственной цивилизации. Зародыши ее можно найти в ранних соображениях теологов, касающихся отношений между языческими религиями и откровениями христианства – ИА: 6.)

Какие тут могут быть объяснения? Либо у автора плохо с логикой и памятью, что просто невозможно предположить, тем более что все три варианта датировки в тексте следуют почти один за другим и в логической последовательности их невозможно запутаться. Либо он отказывается осознанно или неосознанно представлять историю в виде линейного процесса, сомневаясь в адекватности такой модели. В этом смысле, продолжая действовать по аналогии со структурным изучением «мифов», можно было бы охарактеризовать время боасовского текста как «мифологическое» (в отличие, например, от «нормального» исторического).

Вместе с тем историчность, конечно же, присутствует в анализируемом тексте. Более того, по моему глубокому убеждению, отпечаток действия этого принципа ощущается в нем даже шире и глубже, чем в подавляющем большинстве работ антропологов на тему истории антропологии, выдавая тем самым особую убежденность, особый стиль, присущий мышлению Боаса. Историю антропологии он стремится представить очень гибко и красиво в виде истории всех основных, составляющих эту науку, идей. Это прямо входит в намерения Боаса, о чем он и заявляет в самом же начале, правда, как и полагается, пока что только намеком, «не раскрывая сразу всех карт»: «Viewing my task from this standpoint, you will pardon me if I do not first attempt to define what anthropology ought to be, and with what subjects it ought to deal, but take my cue rather from WHAT IT IS AND HOW IT HAS DEVELOPED»²⁴ (Рассматривая с такой точки зрения мою задачу, вы простите меня, за то, что я сразу не сделал попытку определить, чем антропология должна быть, и с какими предметами она должна иметь дело, и скорее поймете мой намек, что ОНА ЕСТЬ ТО, ЧТО ОНА ЕСТЬ И ТО, КАК ОНА РАЗВИВАЛАСЬ – ИА: 2.)

Выяснению того, как происходило это развитие, собственно и посвящена целиком вторая, условно выделенная мною часть. Теперь позвольте немного «причесать» боасовский текст в этом месте и попытаться дать ему свою интерпретацию, как хотелось бы верить, – весьма близкую к «авторскому прочтению темы». Получается следующее: гениальный Руссо и другие деятели, подготовившие Великую Французскую революцию, глубоко прочувствовали релятивистские идеи об ошибках цивилизации и, соответственно, о не меньшей ценности для человечества примитивных народов, не познавших еще грех социального неравенства. В другом регионе европейского цивилизованного мира Гердер впервые обосновал тезис о единстве путей развития всех человеческих культур, а открытия Кука и других путешественников отодвинули горизонт эйкумены, удивив Европу далекой тихоокеанской экзотикой. Материалы путешественников, а также описания Форстера попали в руки географов – людей, интересующихся влиянием на человека природных факторов. Отсюда зарождающаяся наука о других культурах – антропология – на долгие годы обнаружила склонность к географическому детерминизму. Но из биологии XVIII столетия пришел интерес к классификации всего наблюдаемого разнообразия. Попытались классифицировать разные явления культуры, и лучше всего это получилось в отношении языков. Далее Клемм сделал как бы шаг назад, ко времени, предшествующему идеям Гердера, открыв дискуссию о различиях в умственных способностях, полигенизме и моногенизме рас человека. Этому способствовала и социальная реальность – все были заняты вопросом легитимности рабства в американских колониях.

На дальнейшее развитие дискурса оказала влияние идея Дарвина о том, что все современные формы возникли из каких-либо предшествующих форм. Так складывалась убежденность, что человечество и культура развиваются эволюционно. С самого начала этот новый взгляд получил телеологический оттенок – эволюция мыслилась как движение от малого к большому и от худшего к лучшему. Все занялись выведением общих законов (генерализующий подход); пропал интерес к реальному факту, особенно если он не доказывал существование очередного закона. В работах Спенсера и Тайлора сама реальность потеряла свои краски. В довершение всего мерилom, отсчетом эволюции стали западные ценности, и это снова означало откат назад, отказ от релятивизма Руссо. Параллельно метрический метод Кетле, примененный к классификациям, перенесенным из биологии на культуру, позволил различать более тонкие вариации, в частности в соматической антропологии. Снова возник соблазн совместить в классификации различные культурные явления путем увязки каждого народа с определенным языком и соматическим типом. Как и раньше, это стремление подогревалось извне – в ходе дискуссии об арийском вопросе. И вновь все натолкнулось на очевидное противоречие ввиду большого числа нестыковок, что теперь уже наводило на мысль об ограниченности любой классификации и необходимости большего внимания к истории (конкретным путям развития) того или иного явления.

Как раз в это время из филологии был занесен спор о природе наблюдаемой общности культуры. Там Бенфей и Гримм пытались объяснить происхождение общих мифологических и фольклорных сюжетов в Европе как результат трансмиссии (заимствования) или, наоборот, как проявление универсалий. Антропологи в отношении сходных проблем также стали высказывать разные предположения: о преимущественно заимствованном характере культурных параллелей (Ратцель) или об универсалиях вследствие либо действия общих для всех элементарных идей (Бастиян), либо прохождения всеми общих стадий (Бринтон). Исследования фольклора в Европе, а точнее, дискуссия между приверженцами направления, психологически обосновавшего единство фольклорных сюжетов, и направление исторического, трактовавшего это единство как следствие пережитков, открыли еще одну перспективу для поисков причинной обусловленности общности культуры. Подходов стало гораздо больше, и антропологи вышли за пределы объяснения всего при помощи только элементарных идей и эволюционной схемы. В самой психологии при объяснении культурных феноменов наметились две позиции («психология народов» и психология индивидов).

Параллельно сдвиг в сторону историзма шел и в соматической антропологии: в работах Хаксли и Видерсхайма гораздо меньше внимания уделялось синхронному описанию (классификации существующих разновидностей) и гораздо больше – диахронному (эволюционному ряду типов). Наконец, благодаря количественному методу Голтона биологи смогли отказаться от описательных рассуждений и качественного подхода в пользу точного статистического анализа, и научили этому антропологов. Из анатомии через физиологию метод Голтона распространился сначала на психологию, а затем на антропологию, все более и более делая последнюю наукой.

Наконец, еще один раз Боас напоминает о своей «исторической» позиции, открывая заключительную четвертую часть, т.е. почти в конце доклада: «Our sketch of the history of the prevailing tendencies in anthropology would be incomplete without a few remarks on the men who MADE IT WHAT IS IT»²⁵ (Наш очерк истории тенденций, преобладающих в антропологии, был бы неполным без нескольких замечаний о людях, которые СДЕЛАЛИ ЭТУ НАУКУ ТЕМ, ЧЕМ ОНА ТЕПЕРЬ ЯВЛЯЕТСЯ – ИА: 38.)

Взамен ординарной критики как бы уже заведомо существующих школ, критики с позиций того, чего не хватает им до идеальной антропологии, нахожу у Боаса попытку показать, чьими глазами мы смотрим на антропологические реалии, или хотя бы продемонстрировать, что мы смотрим на мир, как и всегда, чьими-то глазами. Кстати,

то, что Боасу удалось показать подлинно историческое видение истории антропологической науки, заметил и Дж. Стокинг (в целом он высоко оценил эту небольшую работу ученого)²⁶.

Все это касается, так сказать, способа подачи материала, стремления реалистично представить, смоделировать исторический процесс. Однако в ряде других моментов боасовская история антропологии не выдерживает критериев «научности». Очерк развития науки дается в ней, если можно так выразиться, в отрыве от фона, основных имен и школ. Только одни идеи.

В том, что ученому хотелось написать историю антропологии без антропологов, особенно американских, убеждает характер подбора персоналий в тексте. В большинстве случаев они сведены в пары (семь случаев): Спенсер и Тайлор, Бастиан и Герланд, Гримм (очевидно, имеется в виду Яков Гримм) и Бенфей, Бринтон и Ратцель, Хаксли и Видерсхайм (или Видерсгейм), Голтон (Гальтон) и Пирсон, Кук и Форстер. В двух случаях приводятся не два, а три имени: Руссо–Гердер–Кук. Последний принадлежит как бы двум группам (см. выше). В качестве второй триады можно рассматривать пару Бринтон (Brinton) и Ратцель, «обогащенную» вскользь упомянутым Герландом. Еще в одном случае он говорит сразу о пяти персоналиях: Штайнталь (или Штейнталь), Вундт, Болдуин, Тард, Штолль, и в четырех случаях ученые упоминаются в одиночку: Кетле, Клемм, Дарвин, фон ден Штайнен.

Фамилии одиночек разбросаны у Боаса в различных местах текста, без жесткой временной привязки друг к другу и к какой-либо школе. Возникает вопрос: может быть, объединить в группы остальные имена Боаса заставили связи типа «учитель–ученик» или время? Нет, наоборот. Во всех подобных случаях он как бы топчется на месте, поскольку, исключая одну-единственную пару (Голтон–Пирсон), имена в каждой из «групп» принадлежат современникам, в отношении которых невозможно достоверно выстроить линию преемственности. Так, годы жизни Герберта Спенсера и Эдуарда Тайлора – соответственно 1820–1903 и 1832–1917, Дэниэла Бринтона и Фридриха Ратцеля – 1837–1899 и 1844–1904 и т.д. О взаимозависимости взглядов этих ученых Боас ничего не говорит и в тексте, поясняющем выбранные им примеры. Более того, там, где читатель сам не сообразит, автор настраивает его на восприятие того, что есть в одной плоскости, в синхронии. Действительно, для большинства не так уж и очевидно, что знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук (1728–1779), пропавший на далеких Гавайях, немецкий просветитель из Кенигсберга, друг Гете, Иоганн-Готфрид Гердер (1744–1803) и французский вольнодумец-классик Жан-Жак Руссо (1712–1778) принадлежали к одному поколению. А между тем Боас держит в голове эту связь: «The deep-seated feeling that political and social inequality was the result of a faulty development of civilization, and that originally all men were born equal, led Rousseau to the naive assumption of an ideal natural state which we ought to try to regain. These ideas were shared by many, and the relation of the culture of primitive man to our civilization remained the topic of discussion. TO THIS PERIOD belong Herder's *Ideen zur Geschichte der Menschheit*, in which, perhaps for the first time, the fundamental thought of the development of the culture of mankind as a whole is clearly expressed. / ABOUT THIS TIME, Cook made his memorable voyages, and the culture of the tribes of the Pacific Islands became first known to Europe»²⁷ (Глубокое убеждение в том, что политическое и социальное неравенство – результат ошибочного развития цивилизации и что первоначально все люди были рождены равными, привело Руссо к наивной посылке об идеальном естественном государстве, которое нам следует попробовать восстановить. Эти идеи разделялись многими, и отношение культуры примитивного человека к нашей цивилизации продолжало быть темой для дискуссии. К ДАННОМУ ПЕРИОДУ принадлежат «*Ideen zur Geschichte der Menschheit*» Гердера, в которых, может быть, впервые отчетливо выразилась фундаментальная мысль о развитии культуры человечества как единого целого (ИА: 7). / ПРИМЕРНО ТОГДА ЖЕ Кук совершил свои памятные путешествия, и Европа впервые познакомилась с культурой племен тихоокеанских островов – ИА: 8.)

Ученые и представленные ими направления перечисляются во второй («исторической») части доклада. Дальше уже вовсе не будет имен и дат. Итак, в этом очерке истории науки ее творцы – ученые – как бы зависли во времени. В сущности, не нашлось здесь места и школам. На миг они возвращены в текст, но только так, чтобы одним росчерком показать существование преемственности в ученом мире и после этого завершить изложение «истории антропологии». И еще: Боас постоянно перескакивает за границы «научного» даже в такой, казалось бы, «абсолютно» тематически научной работе. Причем сам-то он прекрасно знает, где эти границы, и при каждом удобном случае напоминает о них своим коллегам. Не является ли такое отступление от следования идеалу науки или такая забывчивость, когда дело касается коллег, попросту какой-то формой избегания?

Если авторский характер доклада, как, надеюсь, уже было показано, и впрямь еще не является основанием для того, чтобы просто прочитать и принять некритически все, что изложено (к сожалению, именно так часто поступает антрополог с интервью, полученным у информанта), то анализируя документы, личностные по своей природе, нельзя упускать из виду, что в них всегда выражено сразу и то, что хочет сказать сам автор (то, для чего он говорит), и то, что он не очень хочет говорить, оглядываясь на аудиторию, и описывает по касательной, и то, о чем, по той же причине, он вовсе умалчивает и что остается за скобками.

Если считать от первого слова в наброске, выведенного рукой Боаса, до последней точки напечатанного в книге окончательного варианта, условия творчества ученого и характер его взаимоотношений с аудиторией, видимо, несколько раз претерпевали изменения. Так, очень может быть, что первоначальные ориентиры Боаса могли измениться во время самого выступления. Ведь автор, лектор и докладчик должны рассчитывать на свою во многом особую аудиторию. В этом проявляются важные целеустановочные (или функциональные) различия трех представленных ими форм науки. Книга-«нетленка» непосредственно формирует будущую «истину» и предназначена для абстрактного читателя, обращая свои вопросы «в мир», т.е. никому конкретно. Лекция не столько затрагивает вопросы истины, сколько поддерживает межпоколенную трансмиссию «учености». Она тоже работает на будущий авторитет учителя, правда, рассчитана при этом на учеников (потенциальных последователей), которые сидят здесь, рядом. Доклад же, подобно книге, посвящен поиску истины, но, подобно лекции, актуален сейчас и выносится на суд аудитории, в большей степени на суд коллег.

Возможно, подобно многим другим ораторам, Боас вынужден был ориентироваться на одни группы слушателей и игнорировать другие. И тут он мог выбрать ту или иную из нескольких возможных тактик. Но скорее всего в зале не произошло ничего экстраординарного, того, чего нельзя было предугадать. Однако затем, если предположить, что ученый участвовал в подготовке текста к печати (первый раз доклад был опубликован очень быстро, в том же 1904 г.²⁸), акценты могли быть изменены. Ведь публикация подразумевает уже более абстрактную аудиторию и рассчитана «на вечность».

В свое время П. Бурдые отмечал: «...Поле литературы есть поле сил и в то же время поле борьбы, которые направлены на трансформацию или сохранение установленного отношения сил: каждый из агентов вкладывает силу (капитал), приобретенную в ходе предшествующей борьбы, в стратегии, зависящие по своей направленности от позиций агента в распределении сил, т.е. от его специфического капитала. Конкретно – это, например, непрерывная борьба, противопоставляющая постоянно обновляющийся авангард признанному авангарду...»²⁹. В сент-луисской истории эти агенты – Франц Боас и У. Дж. Мак-Ги.

У. Дж. Мак-Ги в период работы конгресса искусств и науки был 51 год. Высокий, рыжий «стопроцентный американец» с шотландско-ирландскими корнями, не так хорошо по-европейски образованный, как Боас, он лидировал среди вашингтонских антропологов, т. е., официально признанных, что проявлялось, например, в финанси-

ровании их исследований Смитсоновским институтом – научным учреждением, традиционно близким государству. Хотя формально после смерти майора Пауэлла (1902 г.) Бюро американской этнологии при Смитсоновском институте возглавил Уильям Генри Холмс, Мак-Ги успел к тому времени уже побывать президентом Антропологического общества Вашингтона (1898–1900) и основать «American Anthropologist», до сих пор считающийся главным антропологическим журналом Америки. В 1902 г. была организована объединившая всех «Трипл-Эй» – Американская антропологическая ассоциация (ААА), и У.Дж. Мак-Ги стал ее первым президентом³⁰.

Боас, будучи всего лишь на пять лет младше У.Дж. Мак-Ги, представлял собой человека совершенно другой, новой формации. К началу работы конгресса тяготы адаптационного периода после иммиграции, а также профессиональные поиски в основном увенчались успехом: он был профессором Колумбийского университета и уже девять лет работал в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке, на момент выступления в Сент-Луисе являясь куратором этнологии. Давно закончилась Джезуповская экспедиция и все другие боасовские начинания в области полевой работы. Ученый, безусловно, находился в зените славы, а поскольку три предшествующие «звезды» американской антропологии (Морган, Бринтон, Пауэлл) уже умерли, он претендовал на лидерство³¹ не только в Нью-Йорке, но и в США в целом, на то, чтобы быть признанным в качестве представителя авангарда, во всяком случае, интеллектуального.

В определенном смысле Сент-Луис стал поворотным моментом в карьере и жизни обоих – как Боаса, так и Мак-Ги. Последний очень хотел быть руководителем отдела антропологии на выставке, и в связи с этим вынужден был уволиться из Бюро американской этнологии (31 июля 1903 г.), куда больше уже не возвращался. После закрытия выставки ему предложили возглавить Сент-луисский публичный музей, лучшие годы которого связаны с именем этого исследователя. Хотя внешне Мак-Ги в те годы был еще достаточно крепким мужчиной (не как Боас – «чудной, низкий маленький человек, волосы которого всегда стояли дыбом», ростом около 5 футов и 7 дюймов, т. е. 1 м 70 с небольшим сантиметров³²), симптомы рака, в конце концов унесшего его жизнь, уже давали о себе знать³³.

Так случилось, что и Боас на следующий год после закрытия выставки (1905 г.) ушел из Американского музея естественной истории и продолжал работать только в Колумбийском университете – одном из богатейших частных университетов. В конце концов, Боаса, также бывшего одним из инициаторов и организаторов ААА, избрали ее президентом, тем самым символически закрепив признание нового авангарда науки. Но это событие произошло только в 1907 г.

Приязнь или неприязнь в межличностных взаимоотношениях ученых и конкуренция между ними в борьбе за статус – совсем не одно и то же. Мак-Ги, скорее, дружелюбно относился к Боасу, в отличие от других вашингтонцев³⁴. Он был вообще, видимо, очень симпатичным человеком, умевшим ладить с людьми. Эту его черту хорошо рисует следующий пример. Как-то один священник, ошибочно приняв его за собрата, т.е. духовное лицо, предложил во время субботней вечерней службы занять кафедру в молитвенном доме. Мак-Ги, не будучи прихожанином никакой церкви, тем не менее тут же отозвался и начал свою речь словами «Love ye one another!» («возлюбите один другого!»), возбуждая всеобщее внимание и симпатию³⁵. Может быть, поэтому он как руководитель отдела антропологии выставки пригласил в качестве второго старшего лектора (senior speaker) именно Боаса. Вместе с тем, Мак-Ги не мог предоставить Боасу возможность прочитать доклад о теории, которую он, вашингтонец, не признавал³⁶. И это как ничто иное, демонстрирует разность научных взглядов обоих ученых!

Насколько авангарден Боас как представитель новых институтов науки, настолько же авангардно и то, что он пишет. Выше я уже много говорил о достаточно критическом отношении Боаса к простой схеме прогрессивного развития, отношении, замешанном на принципе культурного релятивизма. Мак-Ги же по поводу одной из его

частных идей (идеи «захватнической аккультурации») высказался: «Человеческое развитие в сущности социально и может быть измерено степенью, в которой изобретения и идеи обмениваются и обогащаются в процессе перехода, т.е. степени аккультурации. В культурах более высоких ступеней (цивилизация и просвещение) обмен дружественный и целенаправленный; это мирная аккультурация. В культурах более низких ступеней (дикость и варварство), с другой стороны, обмен в основном враждебный и случайный; это может быть названо захватнической аккультурацией»³⁷.

Чего стоит в этой цитате уже одно только противопоставление культур «высоких ступеней», отношения между которыми якобы только или преимущественно «дружественные», и культур «более низких ступеней» (дикость и варварство) с «в основном враждебным обменом». Ясно, симпатии, именно симпатии любого современного антрополога будут на стороне Боаса, а не Мак-Ги, как бы мы не относились к идеологиям и школам, стоящим за обоими.

Ю. Хабермасу принадлежит идея увязывать выбор говорящим одной из областей реальности (*domains of reality*), с которыми связано речевое действие, с тем, какой из трех возможных способов общения со слушателем (*modes of communication*) начинает при этом работать; включая свой особый уровень требовательности к сообщаемой информации (*validity claims*) и общие функции, которые выполняет в данной ситуации речь (*general functions of speech*)³⁸. По Хабермасу, возможны три способа коммуникации: когнитивный, максимально выражающий стремление говорящего к объективности; интерактивный, когда говорящий более всего озабочен установлением согласия и взаимопонимания и, наконец, экспрессивный с экспрессивным же поведением говорящего. Скажем, если бы в качестве предмета беседы Боас выбрал культуру кваквала – «их» культуру, и попробовал бы описать ее вне сравнения с нашей (возможно ли?), иначе, выбрал бы хабермасовский внешний мир вообще («The» World), то это значило бы и выбор когнитивного способа коммуникации с непременным требованием, чтобы излагаемое было обязательно истиной, а общая функция речи заключалась бы в представлении одних лишь фактов.

Боас выбрал для доклада куда более щекотливую тему. В зале сидят антропологи, представители одного с тобой научного сообщества. И тебе нужно говорить о «нашем» мире («Our» World), или даже о «моем» («My» World) – представлять твой личный вклад в науку и в борьбу за «научное», невольно приводя сравнения. А это уже – интерактивный и экспрессивный способы коммуникации, с акцентом на соблюдение правильности или правдивости, что в обоих случаях означает лишь соответствие условным, принятым в обществе (т. е. вместе с сидящими рядом зрителями-слушателями) правилам или даже только отсутствие противоречий с неким общественно выработанным мнением. В таких случаях речь призвана содействовать установлению легитимных межличностных отношений либо раскрывать, представлять субъективность говорящего³⁹.

Значит, здесь помимо «голой информации» будут еще и кое-какие «излишества» и при движении от когнитивного мода к экспрессивному начнет сокращаться «научность» и, наоборот, усиливаться «поэтичность» (литературность) текста, и язык перестанет быть прозрачным. С одной стороны, докладчик более свободен в том, что касается научной строгости, но с другой – он поставлен в новые рамки, поскольку находится среди возможных оппонентов и вынужден считаться с этим. В такой вовсе не свободной для маневрирования ситуации говорящий выбирает собственную стратегию поведения.

Конечно же, признаваться в стремлении сделать антропологию наукой и давать оценки своим предшественникам не преступно. Тем не менее в «Истории антропологии» есть такие места, которые выдают желание автора «уйти от ответственности». Попытку Боаса дистанцироваться от результатов личного участия в описываемом процессе, прикрыть все застенчивостью можно, кажется, разглядеть уже в вводной части, почти в самом начале, где говорится о методологической разношерстности и разнообразии интересов современной автору доклада науки: «A conspi-

derable amount of geographical and historical specialization has also taken place among what may be called the "HISTORICAL SCHOOL OF ANTHROPOLOGISTS"⁴⁰ (Среди того, что может быть названо «ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛОЙ АНТРОПОЛОГОВ», также имеет место значительная степень географической и исторической специализации – ИА: 5.)

В докладе больше нигде не будет названий школ, кроме этого места. Ясно, что названная «Историческая школа» принадлежит самому Боасу и что он в данном случае рассказывает о специализации среди собственных учеников, но делает это как сторонний наблюдатель. То, что данный пассаж вполне укладывается в представления о правилах хорошего тона, царящие в академическом сообществе, и что таких проявлений «деиндивидуализации» автора достаточно в научных работах (например, замена «Я» на 3 л., ед. ч. или на 1 л., мн. ч.) лишь показывает, что все это – симптомы общей «болезни». Еще более наглядно та же стратегия, возможно, проглядывает в другом отрывке из доклада. В самом начале его (этот фрагмент даже предшествует только что процитированному), Боас вдруг исключает из своего рассмотрения изрядную долю антропологии (из контекста понятно, что преимущественно американской) как недостаточно отвечающую его критериям «научности» – дескать, сам он будет говорить только об истории настоящей антропологической науки: «Before I enter into my subject, I will say that the speculative anthropology of the eighteenth and of the early part of the nineteenth century is distinct in its scope and method from the science which is called "anthropology" at the present time, and is not included in our discussion»⁴¹ (Прежде чем погрузиться в свой предмет, скажу, что спекулятивная антропология восемнадцатого и ранних лет девятнадцатого столетия отлична в своих идеях и методе от науки, которая в настоящее время называется «антропологией», а посему эта первая не включена в наше обсуждение – ИА: 3.)

Звучит как вызов, даже оскорбительно. Но что за этим стоит? Не стремление ли, пусть в неуклюжей форме, избежать поименного упоминания предшественников, учителей своих соперников, чтобы загасить некий конфликт? Вспомним, конгресс проходит в Сент-Луисе, а в зале перед выступающим сидят, разумеется, прежде всего а м е р и к а н с к и е антропологи, а потом уже французские, немецкие и пр.! Кстати слово speculative в английском не звучит так резко, как его аналог – спекулятивный – в русском, означает только то, что наука эта (в данном случае антропология) опирается на эмпирически неподтвержденные, недоказанные положения. Правда, потом Боас все же упомянет одного американского автора на четырех немцев и двух англичан. Им окажется Дэниэл Бринтон – человек, с которым он действительно никогда особенно не сталкивался.

Остался последний вопрос: как могло так случиться, что будучи, может быть, в сотне метров от кваквала Чарльза Науэлла и Боба Харриса, пляшущих «танцы каннибалов», от других знакомых индейцев, изучению которых он посвятил почти всю свою жизнь, Франц Боас ни разу не упомянул о них в своем докладе, адресованном участникам конгресса? Может быть, действительно многого из числа тех противоречий в тексте, о которых здесь говорилось, не было бы вовсе, если бы ученый выбрал «их» культуру в качестве предмета беседы?

Примечания

¹ Portraits of Native Americans by Charles H. Carpenter. Photographs from the 1904 Louisiana Purchase Exposition. The Field Museum, Chicago, 1994.

² Ibidem.

³ Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 11. Примеч. 1.

⁴ A Franz Boas Reader. The Shaping of American Anthropology, 1883–1911 / Ed. George W. Stocking. Chicago; London, 1974. 1989. P. 21.

⁵ Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. М., 2000. С. 431.

⁶ A Franz Boas Reader. P. 26.

- 7 Ibid. P. 27.
- 8 Ibid. P. 23.
- 9 Ibid. P. 24.
- 10 Ibid. P. 26.
- 11 Ibidem.
- 12 Ibid. P. 28.
- 13 Ibid. P. 30.
- 14 Ibid. P. 31.
- 15 Ibid. P. 28.
- 16 Ibid. P. 23.
- 17 Ibid. P. 26.
- 18 Ibid. P. 27.
- 19 Ibidem.
- 20 Ibid. P. 24.
- 21 Ibid. P. 25.
- 22 Ibidem.
- 23 Ibid. P. 24.
- 24 Ibid. P. 23.
- 25 Ibid. P. 34.
- 26 Ibid. P. 22.
- 27 Ibid. P. 24–25.
- 28 Science. 1904. Vol. 20. P. 513–524.
- 29 Бурдые П. Начала / Пер. с фр. М., 1994. С. 212.
- 30 F.W.H. [Frederick Webb Hodge]. W.J. McGee (obituary) // Amer. Anthropologist. Vol. 14. N.s. (1912). P. 683–685.
- 31 A Franz Boas Reader. P. 21.
- 32 Письма дочери Боаса Франциски Боас Россу Парментеру от 1 февраля 1964 г., 12 мая 1964 г., 20 мая 1964 г.; письмо Джиллиан Балмер Россу Парментеру от 11 октября 1962 г. / Цит. по: *Parmenter R. Glimpses of a Friendship. Zelia Nuttall and Franz Boas. Based on Their Correspondence in the Library of the American Philosophical Society in Philadelphia* // *Pioneers of American Anthropology*. Seattle, 1966. P. 108.
- 33 F.W.H. Op. cit. P. 683, 685.
- 34 A Franz Boas Reader. P. 21.
- 35 F.W.H. Op. cit. P. 686.
- 36 A Franz Boas Reader. P. 21.
- 37 McGee W.J. Piratical Acculturation // Amer. Anthropologist. Vol. XI (1898). P. 243.
- 38 Habermas J. What is universal pragmatics? // Habermas, Jurgen. *Communication and the Evolution of Society*. Cambridge, 1984. P. 68.
- 39 Ibidem.
- 40 A Franz Boas Reader. P. 24.
- 41 Ibid. P. 23.

I.V. K u z n e t s o v. The History of «The History of Anthropology» by Franz Boas

The lecture, presented by Franz Boas in September 1904 during the World Fair in St. Louis, in which he presented himself as an ardent proponent of historicism, is analyzed. The lecture consisted of four parts: the introductory, wherein Boas declares his views on anthropology; a part in which he presents a historical account of the discipline; an ideologically important part on the necessity of the fieldwork, and a concluding part on the future of anthropology and the author's recommendations.